

ПРОБЛЕМА ЗНАЧЕНИЯ РЕЧИ В ФАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ

МАРИЯ-ЛЮДВИКА ДРАЗДАУСКЕНЕ

Фатическая функция — это та функция речи, которая определяется как употребление языка в целях установления контакта, вступления в коммуникацию или же придания естественности совместному пребыванию где-либо [Ахманова, 1966, с. 508; ср. также: Malinowski, 1936; с. 314–315; Jakobson, 1966, с. 355–356]. Иначе говоря, речь в фатической функции является не собственно коммуникацией, сообщением, а лишь общением. В таком понимании фатической функции, а оно весьма вероятно и восходит, как видно, к классикам советского и зарубежного языкознания, естественно встает вопрос о значении и смысле речи в фатической функции, тем более что некоторые положения в трудах основоположников понятия данной функции (Малиновски) требуют развития, так же как и условное отграничение от вопроса значения оговоркой о десемантизации или бессодержательности речи в данной функции в начальных работах ее исследования [Драздаускене, 1970].

Б. Малиновски [1936], который ввел термин и понятие фатического общения или необыкновенной функции речи [с. 313], ставил себе целью определить новый подход к теории языка и по-новому рассмотреть вопрос значения в языке и речи. Его трактовка значения позволяет, однако, продолжать рассуждение о значении и смысле речи в фатической функции, тем более, что этого требует дальнейшее исследование фатической функции и что не получило достаточного развития в последующих работах¹. О. С. Ахманова [1966а, с. 166–167] и Р. Якобсон [1966], которые писали о фатической функции, а не о фатическом общении, отмечали условность значения речи в данной функции и особенно ее роль в придании естественности совместному пребыванию говорящих.

¹ Социолингвистические аспекты фатической функции исследовались Драздаускене [1970, 1974], Coulmas [1979a, b, 1981], Müller [1979], Sornig [1975, 1977] и другими авторами. К лингвистике фатической функции также имеет отношение работа Фэрх и Каспер [Faersch, Kasper, 1980]. Можно упомянуть, что исследованию и даже детальной разработке подвергались и другие проблемы, затрагиваемые Б. Малиновским в его вышеуказанной работе. Так, семантическое толкование грамматических категорий нашло место в интегрированной семантической теории языка Хэллидея [Halliday, 1973, 1976]. Вопросы фатической функции и традиции повествования разрабатывались французскими авторами.

Как известно, Б. Малиновски полагал, что фатическое общение означает речь, функционирующую не для выражения мысли [Malinowski, 1936, с. 313–315] и не относящуюся к реальному контексту ситуации (с. 313). Эту речь он рассматривал как самоцель, являющуюся контекстом для самой себя (с. 312–313). Относительно значения и смысла речи в фатическом общении Б. Малиновски утверждал, что слова в данном виде речи теряют свое денотативное значение, которое символически им присуще (с. 315), и что наиболее крайние формы фатического общения не служат даже для создания дружеской атмосферы, т. е. придания некой естественности совместному пребыванию (с. 313). Этим как бы утверждается, что существует речь, чаще всего в ситуациях отдыха, которая лишена любого смысла, потому что если бы такая речь служила хотя бы для создания дружеской атмосферы, ее смысл в том бы и заключался.

Следует помнить, что выше уже говорилось об авторах [Ахманова, Якобсон], по мнению которых, как и по мнению менее известных авторов [Boulton, 1968; Goodman, 1971; Wardhaugh, 1976; Lee, 1941; Graff, 1932 и др.], сущность фатической функции заключается в придании естественности ситуации, являющейся вступлением в коммуникацию, или в выражении удовлетворения общением и самим говорением. Таким образом, данная точка зрения позволяет думать, что речь в фатической функции осмысливается выражением дружелюбия и приветливости. Естественно встает вопрос о том, как же это на самом деле, ибо вышеуказанные положения исключают друг друга. Вкратце вопрос, как он нам представляется, сводится к следующему: возможна ли речь, лишенная самого общего смысла вообще; в чем заключается смысл речи в фатической функции и как осмысливаются слова в речи, выполняющей фатическую функцию, когда они лишены условий обозначения?

При рассмотрении данных вопросов сразу же следует сказать, что мысли, высказанные в настоящей работе, никак не противоречат положениям Малиновского (как и классиков советского и английского языкознания) о зависимости значения речи вообще, и тем более речи в фатической функции, от контекста ситуации и о зависимости смысла и его интерпретации от культуры и культурной традиции (Malinowski, 1936, р. 306–309). Наоборот, настоящая работа зиждется на осознании культурной обусловленности речи, и все, что говорится ниже, относится не к смыслу и значению речи в фатической функции как к лингвистической универсалии, а лишь к смыслу речи в фатической функции в социокультурном контексте современного английского языка. Мы даже смеем полагать, что фатическое общение туземцев Меланезии на родном языке не тождественно общению современных европейцев на английском языке, т. е. речи в ее фатической функции в социокультурном контексте

английского языка и даже в соответствующем контексте английского языка как средства международного общения. Осознавая тонкости контекста, делаем оговорку, что возможны определенные недочеты в рассмотрении данного явления иностранцем.

Учитывая акцент Малиновского на значение речи и понимание ее в зависимости от контекста и культуры собеседников, мы находим определенную неточность в замечании этого автора о том, что конвенциональные формулы этикета, случайные замечания о здоровье, погоде или самом появлении говорящего, а порой даже европейский салонный разговор своей незначимостью отождествляются с фатическим общением дикарей [Malinowski, p. 313–315]. Думается, что это положение верно лишь при одном условии – близости отношений между представителями определенного общества. При этом условии, возможно, что фатическое общение дикарей и европейский салонный разговор могут не выражать ни мысли, ни даже чувства удовлетворения. Но это не исключает возможности осмысления речи в фатической функции чувством удовлетворения и при данном условии.

Думается, что весьма нередки ситуации, когда одна единственная избитая фраза может и на самом деле создать чувство общности и дружелюбия. Далее, когда речь в фатической функции не осмысливается положительными эмоциями, наиболее вероятным является ее осмысление противоположным, т. е. неудовольствием, негодованием или даже враждебностью. К таким случаям относятся ситуации неясческих отношений, выражаемых в основном, по мнению Малиновского (с. 313), формулами сочувствия и внимания. Сюда примыкают и случаи такого общения, когда один говорит и злоупотребляет возможностью говорить, а ожидающий не может дождаться своей очереди².

Исследование фатической функции как наименее осмысленной речи, так и той, которой собеседник злоупотребляет, не является простой задачей, ибо свидетельство о проявлении данной функции чаще всего принадлежит индивидуальному опыту и, поскольку такой опыт связан с чувством самолюбия, сбор материала осложняется. Наилучшими примерами отношения человека, говорящего на английском языке, к крайним таким формам проявления фатической функции является отрицательная оценка их, гиперболизированно передаваемая в произведениях художественного творчества. Напр:

Macbeth.

Life's but a walking shadow, a poor player
That struts and frets his hour upon the stage
And then is heard no more. It is a tale

² Классики английского этикета, ссылаясь именно на такие ситуации, определяют скучного человека [Post, 1945, p. 45].

Told by an idiot, full of sound and fury,
Signifying nothing.

Enter a Messenger

Thou com'st to use thy tongue: thy story quickly!

Messenger

Gracious my lord,
I should report that which I say I saw,
But know not how to do't.

Macbeth Well, say, sir.

Messenger

As I did stand my watch upon the hill
I looked toward Birnan and anon methought
The wood began to move (Shakespeare, Macbeth, V. 5).

* * *

Mrs Jackson (very friendly): Excuse me : it's Mrs Sawney, isn't it? The rent collector gave me your name, he said you were coming to live here, so I thought, well, I'd just pop round the door and have a word – like it's your first day here, and why not be neighbourly, I thought, and give 'em a call? Eh, isn't it a lovely day?

Rachel: Who are you?

Mrs Jackson: I live next door, you see, so I thought why not be neighbourly: like it's such a lovely day. Jackson's the name. My husband, my husband he works for Co-op you know; like he's their agent, drives around the villages all day in his van to local branches; just in the grocery he used to be, but he got made agent last year. By, he was pleased, I can tell you. He's got his van: he's like his master now...What do you think to the Housing Scheme?

Rachel (dourly): Housing Scheme, is it?

Mrs Jackson: Well, of course, I mean we think it's lovely. We've been here nigh on two years. I'll tell you where we used to live – you know when you went past the Town Hall, down by the Catholic Church – all them little mucky streets – eh it was terrible. But they moved us all out and pulled the lot down. That's where they're building new Corporation Offices, you know, now. Isn't it lovely here, though? Wide streets, bits of garden, and all. Of course it's a long way from the shops and there's only one public. But my husband, he reckons that's a good thing. He says –

Rachel: Oh go to hell, you and your fizzing husband.

Mrs Jackson (stopped gasping in midstream): I beg your pardon!

Rachel: I say go to hell. You're not wanted here. Keep to your own garden, you like it so much (John Arden.Live Like Pigs).

При наличии весьма резкого отказа принимать речь в фатической функции как обычную норму и разделять удовольствие в ней по разным причинам в каждом из вышеприведенных контекстов важно заметить, что в первом из них фатическая функция сохраняется независимо от предупреждения. Это обусловлено устойчивостью норм языкового поведения, принятых между нижепоставленным и вышепоставленным в королевском дворце, а также наличием последующей вести и ее важностью. Во втором же тексте, в котором фатическая функция представлена как самоцель, она полностью прерывается дерзким замечанием. В этом смысле вышеприведенные тексты обладают познавательными качествами, относящимися к социолингвистическим особенностям реализации этой функции.

Вполне осознавая, что так резко выраженное нетерпение из-за испытываемого напряжения, враждебность и нежелание общаться из-за застенчивости и понимания разницы в социальном положении, особенно подчеркнутой воспитанностью, принадлежит в этом случае к символическому контексту соответствующих художественных произведений, мы не можем не видеть, что наличие таких смыслов безусловно свойственно и реальной речи в фатической функции, а их подчеркнутое выражение в данных текстах позволяет отметить смысловую емкость речи в фатической функции и даже рассматривать это на основе приведенного материала.

Кроме того, что речь в фатической функции является вступлением в коммуникацию или самоцелью (в вышеприведенных примерах и то и другое сознательно прекращается ввиду соответствующих настроений и обстоятельств соответствующих художественных контекстов) и помимо ее конвенциональной тематики³ и содержания, в ней всегда выражается специфика отношений между говорящими (симметрические и/или асимметрические) посредством обращения, указанием на лицо, – прямой/этого указания (это весьма наглядно в вышеприведенных текстах из Шекспира и Ардена), индивидуальное образование и социальное положение говорящих, даже их региональное происхождение и проч. Несмотря на то, что все это вычитывается из приведенных текстов художественной литературы, нет причин сомневаться в том, что все указанные значения передаются речью в фатической функции в реальном общении. Материал художественных произведений приводится здесь лишь потому, что на нем ярче раскрывается смысловая емкость речи в фатической функции для иностранца.

³ Конвенциональными темами английской речи в фатической функции являются здоровье, погода, занятия, друзья, непосредственная ситуация, обстановка, происходящее и проч. К запретным темам относятся деньги, семейное положение и, иногда, образование.

Все указанные выше значения (лиц, расстояния между говорящими, их отношений, социального положения, вкусов, тембра, склонности к искусственной эмоциональности и т. д.) являются частью смысла речи в фатической функции, как и всякой другой речи, разве только в данной функции эти значения наглядней. Именно эти значения способствуют или препятствуют созданию приветливости и дружеских отношений в реальном общении, когда реализуется речь в ее фатической функции. Поскольку речь, грамматически, лексически или фонетически не имплицитная таких значений, невозможна, мы делаем вывод, что полностью неосмысленная речь в фатической функции также невозможна (за исключением крайних ее случаев среди близких в закрытых социальных группах).

Смысл речи в фатической функции выводится не столь из ее содержания и темы, а из выражения дистанции, скромности, приветливости, направления и тонкости иронии, юмора, отношения к себе и многих других элементов значения и смысла. Именно в зависимости от этих данных определяется значение слов, лишенных условий реального обозначения, напр., в вопросе о здоровье к здоровому человеку или в замечании о погоде к страдающему человеку. Ведь даже иностранец, присутствующий в ситуациях, в которых реализуется речь в фатической функции, понимает, даже при наличии весьма ограниченного опыта, что при знакомстве с человеком высказывание *How do you do!* почти всегда означает, что беседа не будет развиваться, ибо это вытекает из жесткой формальности данной фразы, имплицитной, как правило, асимметрические отношения и разницу в социальном положении. И, наоборот, сказанное в аналогичной ситуации *How are you?* обычно сигнализирует о симметрических отношениях и возможности продолжительного общения.

Таким образом, речь в фатической функции не только обладает определенным смыслом, но и является такой речью, значение в которой сложнее, чем в бытовой и научной речи. Именно это свойство фатической функции заслуживает внимания исследователей.

В заключение следует сказать, что о содержании речи в фатической функции написано немало работ [Condon, 1966; Argyle, 1973; Laver, 1975; Coulmas, 1979; Drazdauskienė, 1980 и др.], в которых отмечалось разнообразие социокультурного содержания и коммуникативных смыслов в речи, реализующей фатическую функцию. Социокультурная идиоматичность и структура этой функции в повседневных и литературных контекстах английского языка представляют, однако, еще множество неисследованных вопросов.

THE PHATIC FUNCTION: THE PROBLEM OF MEANING

M. L. DRAZDAUSKIENĖ

Summary

The paper focusses on differences in the treatment of meaning in the phatic function of speech. The argument derives from the fundamental works on the phatic function and phatic communion by major authors. Although it is admitted that the phatic function, not even implying sociability, is not entirely impossible, this function is shown to expose the potential of meaning essentially determined by social factors and cultural tradition.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова, 1966а – Ахманова О. С., Натан Л. Н., Полторацкий А. И., Фатющенко В. И. О принципах и методах лингвистическо-стилистического исследования. – М., 1966.
- Ахманова, 1966 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
- Драздаускене, 1970 – Драздаускене М.-Л. Контактостанавливающая функция речи: Канд. дис. – М., 1970.
- Драздаускене, 1974 – Драздаускене М.-Л. Лексические особенности речи в контактоустанавливающей функции. – Вестник Московск. ун-та. Сер. филология, 1974, № 5. с. 56–64.
- Argyle, 1973 – Argyle M. Social Encounters. – Harmondsworth: Penguin Books, 1973
- Boulton, 1968 – Boulton M. The Anatomy of Language. – London, 1968.
- Condon, 1966 – Condon J., Jr. Semantics and Communication. – New York, 1966.
- Coulmas, 1979a – Coulmas F. Riten des Alltags. Sequenzierungsbedingungen in präfigurierter Rede. – In: Bedeutung, Sprechakte und Texte/Hrsg. Willy Vandeweghe und Marc van de Velde. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1979.
- Coulmas, 1979b – Coulmas F. On the Sociolinguistic Relevance of Routine Formula. – Journal of Pragmatics, 1979, N 3, p. 239–266.
- Coulmas, 1981 – Coulmas F. (ed.) Conversational Routine. Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech. – The Hague–Paris–New York: Mouton Publishers, 1981.
- Drazdauskienė, 1980 – Drazdauskienė M.-L. Fatinė kalbos funkcija ir jos sociokultūrinis turinys. – Problemos, 1980, N 25, p. 21–28.
- Faerch, Kasper, 1980 – Faerch C., Kasper G. Ja und? – og hva' sá? – A Contrastive Discourse Analysis of Gambits in German and Danish. – In: Papers of the Conference on Contrastive Projects. Charzykowy, 1980.
- Goodman, 1971 – Goodman P. Speaking and Language: The Defence of Poetry. – New York, 1971.
- Graff, 1932 – Graff W. L. Language and Languages. – New York, 1932.
- Halliday, 1973 – Halliday M.A.K. Explorations in the Functions of Language. – London: Arnold, 1973.
- Halliday, 1976 – Halliday M.A.K. Halliday's System and Function in Language/Ed. by G. Kress. – London: OUP, 1976.
- Jacobson, 1966 – Jacobson R. Linguistics and Poetics. – In: Style in Language/Ed. Th. Sebeok. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1966, p. 355–356.

Laver, 1975 – Laver J. Communicative Functions of Phatic Communion. – In: Organization of Behavior in Face-to-Face Interaction/Ed. by A. Kendon, R.M. Harris, M. R. Key. The Hague–Paris–New York: Mouton Publishers, 1975, p. 215–238.

Lee, 1941 – Lee I.J. Language Habits in Human Affairs. – New York, 1941.

Malinowski, 1936 – Malinowski B. The Problem of Meaning in Primitive Languages. – In: The Meaning of Meaning/Ed. by C.K. Ogden and I.A. Richards. London: Routledge a. Kegan Paul Ltd, 1936.

Müller, 1979 – Müller K. Partnerarbeit in Dialogen. Zur Kontaktfunktion inhaltlich redundanter Textelemente in natürlicher Kommunikation. – Grazer Linguistische Studien, 1979, N 10, S. 183–216.

Post, 1945 – Post E. Etiquette. The Blue Book of Social Usage. – New York–London: Funk a. Wagnal's Co., 1945.

Sornig, 1975 – Sornig K. Beschimpfungen. – Grazer Linguistische Studien, 1975, N 1, S. 150–167.

Sornig, 1977 – Sornig K. Bemerkungen und Überlegungen zur Bearbeitung der Grazer Protokolle. – Grazer Linguistische Studien, 1977, N 6, S. 9–57.

Wardhaugh, 1976 – Wardhaugh R. The Contexts of Language. – Massachusetts, 1976.

Vilniaus V. Kapsuko universitetas
Anglų filologijos katedra

Įteikta
1981 m. rugsėjo mėn.